

Начало и конец советского проекта культурного фундаментализма*

Руслан Хестанов

Доктор философии (PhD), профессор Школы культурологии гуманитарного факультета
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: khestanov@hse.ru

Александр Сувалко

Преподаватель Школы культурологии гуманитарного факультета
Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, г. Москва, Российская Федерация 101000
E-mail: asuvalko@hse.ru

В центре внимания статьи — самобытные представления большевиков, а затем и советской номенклатуры о культуре. Хронологически наше исследование охватывает первые годы становления советских государственных учреждений (так называемые ленинский, затем сталинский периоды руководства) и завершается началом периода, который часто называют оттепелью. Чтобы ухватить концептуальные и доктринальные мотивы строительства советских культурных и государственных институтов, в качестве главного источника мы использовали стенографические отчеты партийных съездов. Культура придавала политической доктрине концептуальную целостность, связывая между собой представления о государстве, руководстве и управлении, коммунизме и труде. Анализ выбранных источников свидетельствует о наличии вполне определенной траектории культурной политики: 1) рождение большевистского культурного проекта, 2) материализация его в учреждениях советской государственности, 3) нормализация созданных государственных структур и, наконец, 4) бюрократизация и маргинализация культурного вопроса. Мы ввели понятие «культурный фундаментализм», чтобы подчеркнуть особенность культурного проекта большевиков, в котором выразился радикальный и утопический антиэтатизм, предполагавший компенсацию культурой «отмирающей» государственности. Внутренняя логика развития культурного проекта привела, однако, к парадоксальному результату — к созданию тотального социального государства. Главный тезис статьи — концепт культуры играл центральную и стратегическую роль в строительстве новой социалистической государственности.

Ключевые слова: культурная революция, культурный фундаментализм, большевики, аппараты управления, «карта некультурностей», советская государственность.

© Хестанов Р. З., 2019

© Сувалко А. С., 2019

© Центр фундаментальной социологии, 2019

DOI: 10.17323/1728-192X-2019-4-164-185

* В данной научной работе использованы результаты проекта «Инфраструктуры научного знания и развитие территорий», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2019 году.

Первой целью данной статьи является экспликация центрального характера концепта культуры как для коммунистического визионерства советской партийной номенклатуры, так и для государственной практики. Хронологически наше исследование распространяется на первые годы становления советских государственных учреждений, на так называемые ленинский, затем сталинский периоды руководства, и завершается в самом начале периода, часто именуемого оттепелью. Предмет анализа — представления о культуре партийных руководителей, создававших и реализовывавших советский проект, а потому мы сознательно изъяли из него теоретическое наследие советской гуманитарной мысли и науки. Так мы надеялись ухватить концептуальные и доктринальные мотивы тех, кто был вовлечен в планирование и строительство советских институтов. Наш основной источник — стенографические отчеты партийных съездов.

Представления партийного и советского руководства о культуре не отличались концептуальной строгостью — в докладах и репликах на партийных съездах нет ни теорий, ни дефиниций. Вместе с тем этих не всегда ясных суждений, случайных фраз, интуиций или «прозрений», в которых просматривается нечеткий образ культуры, оказалось достаточно для проектирования и учреждения новых государственных институтов. Хотя культура не относилась к ключевым понятиям русского марксизма предреволюционного периода, дискуссии на партийных съездах и пленумах вокруг вопросов культуры придали ей центральную значимость в доктринальном корпусе большевиков. Все труднее становилось вести речь о коммунизме, прогрессе, социалистическом государстве или бюрократии, не прибегая при этом к термину «культура».

Некоторое время назад мы уже предпринимали попытку объяснить, почему именно в СССР были созданы предпосылки для появления первого в мире национального министерства культуры (Хестанов, 2013). Хотя министерство было учреждено после смерти И. Сталина, мы предположили, что решение готовилось в недрах советского аппарата при его жизни, впрочем, первые попытки превращения культуры в объект государственного управления осуществлялись еще в период ленинского руководства партией. Наше предположение основано лишь на том факте, что министерство было учреждено всего лишь десять дней спустя после смерти вождя. Решение не могло приниматься скоропалительно, а потому уместно считать, что готовилось оно при сталинском руководстве.

Данное предположение было подтверждено некоторыми фактами, обнаруженными историком-архивистом Михаилом Гершзоном. Новое министерство возникло в рамках более широкой реформы советского управления, которая, судя по всему, готовилась также при жизни Сталина: «Министерство культуры — принципиально новая структурная единица в составе правительства — было образовано в соответствии с Законом о преобразовании министерств СССР от 15 марта 1953 года. Постановление об объединении министерств было сначала представлено Г.М. Маленковым на мартовском (1953) Пленуме ЦК КПСС» (Гершзон, 2018: 176). Гершзон сообщает, что сам Маленков, будучи председателем Совмина СССР,

подчеркивал в газете «Правда», что реформа по укрупнению министерств готовилась «уже длительное время, при жизни Сталина» (Гершзон, 2018: 176).

Однако вне сферы нашего анализа осталось одно примечательное обстоятельство, на которое мы обратили внимание благодаря архивным изысканиям Гершзона. Поражают широта и разнообразие сфер ответственности, которые были изначально вменены министерству культуры. В состав нового министерства вошли не только прежние министерства и подразделения, связанные с комплексом разных видов искусств, «культпросветом» и массовыми развлечениями (например, зоопарки). В него влились министерства образования и трудовых резервов (последнее отвечало за подготовку квалифицированных кадров рабочих специальностей), а также столь важный орган внешней и внутренней пропаганды, как Совинформбюро, ведомства, управляющие радиовещанием и зарождавшимся телевидением, строительством детсадов и учреждений здравоохранения, наукой и вузами, возведением промышленных предприятий, производством аппаратуры для кинопроката, полиграфическими предприятиями и т. п. Более подробно с этим пестрым и длинным списком подведомственных культуре отраслей и ведомств можно ознакомиться в книге нашего архивариуса (Гершзон, 2018: 177–180). Список этот занимает примерно три страницы. Автор заключает: «Можно утверждать, что Министерство культуры в определенной степени относилось и к разряду промышленных министерств... что по объему, сфере деятельности, количеству подведомственных отраслей новому Министерству культуры не было равных в отечественной истории» (Там же: 177–178).

Министерскую реформу 1953 года иногда называют «укрупнением» министерств и связывают с общим стремлением к «рационализации» управления посредством организации мегаминистерств. Иначе говоря, укрупнение коснулось не только ведомства культуры, но и других сфер управления страной. Следовательно, наличие особой мотивации в учреждении мегаминистерства культуры выглядит сомнительным. Практически сразу после учреждения министерства наметился обратный процесс — от него одна за другой отпочковывались отдельные отрасли¹, а потому учреждение культурного мегаминистерства можно было бы считать временной иррациональной абберрацией, проявлением исконно советского волюнтаризма.

Тем не менее мы рискнули сформулировать гипотезу о том, что решение об организации министерства культуры со столь масштабными и разнообразными сферами ответственности не могло быть результатом случайной и эклектической сборки. Корпус объектов управления министерства культуры слишком значительный и выделяется на фоне остальных укрупнений. Мы полагаем, что за

1. «Это было довольно сложное в организационном отношении десятилетие, когда сначала в русле общей реорганизации министерств под Минкультуры оказались все органы управления, связанные с этой сферой, а затем в результате отпочкования отдельных отраслей и сужения собственной компетенции Министерство культуры потеряло их значительную часть (руководство высшим образованием и трудовыми резервами — 1954 год, радиовещанием и телевидением — в 1957 году, кинопроизводством — в 1963 году и др.)» (Гершзон, 2018: 380–381).

этим решением стояло некое видение, сделавшее возможным и, по меньшей мере, мыслимым широкое толкование культурной сферы. Предпосылки этого видения сформировались в первые годы советской власти, они восходят к тому универсальному и первостепенному значению, которое большевики вслед за Лениным и Сталиным приписывали культуре. Корни культурной мегаломании находятся в самом большевистском проекте. В дальнейшем мы наметим основные контуры возможной реконструкции этого проекта.

Самобытное истолкование культуры

Проблематика, связанная с культурой, обрела для большевиков подлинную значимость только после Октябрьской революции. Случилось это довольно поздно, если учесть, что, скажем, в политической повестке дня немецких социал-демократов культура присутствовала уже как минимум 40 лет. С 1874 года Вильгельм Либкнехт, отец более известного в России революционера и марксиста Карла Либкнехта, настаивал на полной политизации культурной жизни и призывал создать новую пролетарскую литературу и искусство. Он полагал, что в Германии уже сложилась модель двух противостоящих классовых культур — пролетарской и буржуазной, — а затем призвал рабочий класс к перехвату культурной миссии у буржуазии, которой не удалось довести до конца освободительную миссию Просвещения (Наке, 2017: 158–159). Уже в 1840-е годы в Германии намечалась тенденция на формирование «двух культур», выражавшаяся в противостоянии двух культурных движений, олицетворяемых, с одной стороны, образовательными ассоциациями рабочих (*Arbeiterbildungsvereine*), с другой — более консервативным движением народного образования (*Volksbildungsbewegung*). Чуть позднее оформились культурно-образовательные программы протестантских и католической церковью, которые считали нужным компенсировать неравенство классово ориентированной образовательной системы. К началу Первой мировой войны в Германии была создана развитая сеть культурно-образовательных учреждений, имевших ярко выраженную классовую природу.

Специфика России была обусловлена несколькими обстоятельствами. Во-первых, поздней, по сравнению с Англией или Германией, индустриализацией. Во-вторых, жесткие полицейские ограничения, наложенные на деятельность рабочих организаций и социал-демократических партий, затрудняли кристаллизацию политизированной модели «двух культур» в легальном поле. Никаких заметных культурно-просветительских организаций в дооктябрьский период русская социал-демократия не создала. Рабочие и крестьяне, тем не менее, стали объектами культурных усилий со стороны церкви, политических организаций либеральной интеллигенции, отдельных предпринимателей-филантропов и, конечно, государства. «Культурничество», так именовалось новое гетерогенное движение, набирало силу и создавало, в особенности в промышленных центрах страны, сеть культурно-просветительских учреждений: библиотеки, воскресные и вечерние школы,

народные университеты, клубы, предназначенные в том числе для рабочих и их детей².

Революционеры-марксисты не участвовали до поры до времени ни в культурничестве, ни в дебатах о культуре. Разве что на собраниях марксистской группы «Вперед» живо обсуждались вопросы культуры. Большевики, конечно, также употребляли термин «культура», но он не был интегрирован в их политический словарь. В. Ленин бы осведомлен о противостоянии «двух культур» в Германии, о чем свидетельствуют его работы дооктябрьского периода, а также он изучал опыт *Kulturkampf*³. Тем не менее, согласно распространенному среди большевиков мнению, слово культура имело привкус меньшевизма⁴. Ортодоксальная классовая точка зрения на общество и историю подсказывала, что более приемлемой заменой «культуре» были термины «идеология» и «пропаганда». Через призму идеологии понимал культуру, например, Александр Богданов, описывая ее как «идеологический комплекс».

Кардинальным образом отношение большевиков к культуре изменилось после того, как они оказались у руля государства. Они в полной мере осознали большой легитимирующий потенциал и необходимость перехвата культурной повестки дня у отстраненных от власти политических сил. Правда, они не ограничились заимствованиями форм культурной работы у своих немецких соратников, но, как будет показано, встроили концепт «культуры» в оптику правительственной рациональности, сделав из него инструмент создания новой социалистической государственности.

Впервые вопрос о культуре встал на VIII съезде партии. При этом центральным для всего партийного дискурса термином культуру сделал В. И. Ленин. Не вдаваясь в подробности полемики⁵ между лидерами партии, отметим, что именно с 1918 года «культура» начала обретать для партии важнейший доктринальный статус и вес. Смысл инновации большевиков лучше всего схватывается через сравнение. Немецкие социал-демократы пошли по пути «апроприации буржуазной эстетики»

---

2. Под покровительством непролетарских активистов, в частности, была создана первая массовая легальная организация рабочих «Собрание русских фабрично-заводских рабочих С.-Петербурга», сыгравшая известную роль в революционных событиях 1905 года. Цели «Собрания» были, прежде всего, культурно-просветительские: организация досуга, формирование культуры трезвости, улучшение быта и условий труда, организация вокальных и хоровых мероприятий, литературных вечеров и проч. Учредителем ее был известный священнослужитель Георгий Гапон, а сама организация создана на основе «Санкт-Петербургского общества взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве», которым руководил высокопоставленный сотрудник полиции Сергей Зубатов.

3. См., например, его статью в газете «Пролетарий» «Об отношении рабочей партии к религии» (1985 [1909]).

4. В частности М. Лацис, говоривший о «Культурном центре», который был учрежден в Риге большевиками, заметил, что «название отдает меньшевизмом» (Шестой съезд РСДРП (большевиков), 1958: 176).

5. Во время дискуссии о возможности привлечения к управлению народным хозяйством и производством «буржуазных специалистов» Ленин выдвигает «культурный аргумент»: «Без наследия капиталистической культуры нам социализма не построить»; специалисты — это «техническая и культурная сила» (Восьмой съезд РКП (б), 1959: 20).

и высокой культуры, пытаясь обогатить их фольклорным содержанием. «Культура», «духовность», «мораль», «чувственность», а также гумбольдтовское представление о *Bildung* как полной реализации человеческого потенциала, стали строительными блоками для немецкого концепта пролетарской культуры. Присвоение буржуазного представления о «высокой культуре» позволяло с «взятой высоты» критиковать капиталистическую коммерциализацию искусства, изображая последнюю как фатальную культурную неудачу буржуазии (Наке, 2017: 155). Но как свидетельствует полемика, развернувшаяся на первых послеоктябрьских съездах партии, в формулу советского понимания культуры были вложены три переменные: *труд, управление и государство*. Эти три переменные составляют ядро советского культурного проекта — выхода человечества из варварского состояния эксплуатации человека человеком, начала новой эры человеческого разума.

Именно труд позволяет Ленину внедрить в речевой оборот соратников термин «культура» и соответствующую проблематику. Он выстраивает необычную для сегодняшнего дня оппозицию между *бюрократизмом* и *культурой*, обозначающую различие мотиваций к труду. *Бюрократическая* мотивация понимается как насильственная, а *культурная* — как сознательная и добровольная. Труд русских рабочих, говорит Ленин, мотивирован исключительно «бюрократически» и, как следует из контекста выступления, «бюрократически» — значит «принудительно». Пример другой мотивации Ленин находит у специалистов и инженеров — у них она «культурная», иначе говоря, творческая. Даже деньги, как стимул к труду, для квалифицированных специалистов играют второстепенную роль, ведь «специалисты — это культурные деятели». Сознательной творческой мотивации к труду пока недостаточно у русских рабочих, а потому именно их «некультурность понижает Советскую власть и воссоздает бюрократию» (Восьмой съезд РКП (б), 1959: 58).

Если рабочих мотивировать к труду творчески, «культурно», то никакие аппараты принуждения не понадобятся. Культуру русского рабочего поэтому следует подтягивать до уровня инженеров, рассуждает Ленин. При системе труда, основанной на культурных стимулах, необходимые для эксплуататорского общества бюрократия и государство, вся надстройка, оказываются бессмысленными. Коммунизм будет построен лишь тогда, когда осуществится полная победа над бюрократизмом, когда государственная власть будет уничтожена как таковая. В этом состоит стратегическая цель партии.

Это рассуждение было отлито в лаконичную фразу резолюции съезда и вошло в Программу партии. Были обозначены два неперемennых условия отмирания государства: 1) «вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством», 2) «повышение культурного уровня» (Восьмой съезд РКП (б), 1959: 397). Ленину удалось убедить товарищей по партии, что государство при социализме будет существовать до тех пор, пока сохраняется культурная отсталость рабочих, пока они не будут вовлечены в управление государством,

пока рабочих приходится «из-под палки» принуждать к труду. Больше культуры — меньше государства. Высокая культура — отмирание государства.

Выступление Ленина на VIII съезде партии положило начало большому советскому культурному проекту, который парадоксальным образом, вопреки стартовым расчетам и намерениям дал импульс строительству громоздкой структуры советского сверхцентрализованного государства. Как и в любой культурный проект, в него было встроено нечто, что Тонни Беннетт назвал «стратегической нормативностью» (Bennett, 1998: 91–92), которая подразумевает фундаментальные политические расколы. Во-первых, культура мыслится как противоположность чему-то, положенному вне нее (например, культура/анархия, культура/природа). У большевиков в качестве оппозиции культуры представляли бюрократия (как форма принуждения к труду) и государство (как аппарат насилия). Во-вторых, культура предполагает идею о внутреннем расколе (высокая культура/низкая или массовая культура; советская/национальная культура). У большевиков высокая культура противопоставлялась низкой, и поэтому культура в их программе строительства коммунизма предполагала установление нормативных градиентов и шкал — «выше», «ниже»).

Делегаты того памятного съезда быстро подхватили простую ленинскую схему и увлеклись необычной риторической игрой сопоставления и измерения уровней культуры разных народов, классов и социальных групп: русских с поляками, азербайджанцами, грузинами, финнами и проч., а также рабочих и крестьян, мужчин и женщин и т. д. Похожие фигуры речи употреблялись Лениным, Сталиным и многими другими делегатами. Например, «башкиры имеют недоверие к великороссам, потому что великороссы более культурны и использовали свою культурность, чтобы башкир грабить» (Восьмой съезд РКП (б), 1959: 106). «Финляндия... отличается от остальных народов, населявших прежнюю Российскую Империю, большей культурностью» (Восьмой съезд РКП (б), 1959: 101). Разумеется, четкой меры и градиентов в их распоряжении не было — довольствовались интуицией и общим чувством, но сам ход дебатов способствовал тому, что в воображении делегатов складывался сложный иерархический порядок разных культур.

«Карта некультурностей»

Предложенный Лениным культурный схематизм оказался весьма удобным инструментом категоризации населения. Разные группы «культурной отсталости» идентифицировались не только по национальным признакам. Культурные водоразделы проводились между городом и деревней, конфессиями и уровнями образования, мужчинами и женщинами, работницами и женщинами (простыми домохозяйками). В особую категорию выделялись молодежь, дети и беспризорники. Культурные различия выявлялись также в зависимости от навыков самоорганизации и самоуправления, технологических и производственных квалификаций. Тот

же схематизм использовался на более поздних съездах, когда в отдельную проблему выделялся разрыв между трудом умственным и физическим.

Коллективное воображение делегатов съезда создавало таким образом нечто, что мы назовем «картой некультурностей», а выделенные на ней категории населения, по сути дела, были социальными объектами государственного управления, подлежащими особым режимам контроля и опеки. Эти категории требовали создания специфических учреждений (женсоветы, союз молодежи и т. д.), делом которых станет повышение культурного уровня данной категории населения. Хотя изобретаемая на съезде политика мыслилась под эгидой «культуры», фактически создавалась новая разновидность социальной политики и социального управления. По большому счету, проектировалось социальное государство нового, советского типа, с новыми государственными аппаратами и особенными советскими общественными организациями.

Глубина и тотальность вмешательства в социальную ткань достигались посредством взаимного пересечения институтов двух типов: назовем их условно «адресными» и «универсальными». *Адресные* были нацелены на повышение культурного уровня отдельных социальных групп — солдат, резервистов, женщин, рабочих, крестьян или мусульманок. *Универсальные* так или иначе работали с населением как целым или с большими группами населения. К ним можно было отнести разные виды учреждений культпросвета и бытовых услуг. Дискуссии на партийных съездах и в партийной печати говорят о том, насколько тонко чувствовали большевики противоречивость процесса создания новых учреждений: с одной стороны, они должны были быть наделены автоматизмом, независимым от людей, с другой — укоренены в быте и социальной ткани.

Нельзя, однако, сказать, что дизайн новой сети культурно-социальных учреждений был глубоко продуманным. Культурный проект большевиков был скорее волюнтаристским, чем рефлексивным. Процесс модернизации семьи и семейных отношений может служить хорошей иллюстрацией сказанному. Как таковой семейной политики в первые годы советской власти не было. Напрямую вопросы семьи и семейного строительства на съездах не затрагивались, но обсуждались косвенно, в ходе дискуссий вокруг женского вопроса. Комплекс разрозненных мер, замыслов и институциональных инициатив радикально менял социальную и бытовую среду, а затем в ней спонтанно формировалась семья советского типа.

На «карте некультурностей» особое место занимали женщины как наиболее «отсталая» категория⁶. Столь прискорбное состояние обусловлено, по словам Ленина, тем, что «женщина продолжает оставаться *домашней рабыней*... ибо ее давит, душит, отупляет, принижает *мелкое домашнее* хозяйство, приковывая ее

---

6. Первый секретарь ВЦСПС Николай Шверник, в частности, говорил: «Профсоюзы должны учитывать... необходимость культурного подъема наиболее отсталых групп, в первую очередь, женщин» (XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 1930: 633). Кстати, если на XI съезде партии (1922 г.) присутствовало всего 16 женщин (1,7%) и 671 мужчин, то на XVI съезде (1930 г.) их было уже 165 (7,6%).

к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервляющею, отупляющею, забивающею». Повышение уровня культуры женщин зависит от их эмансипации от «мелкого домашнего хозяйства», поэтому Ленин призывает к массовой борьбе с этим последним оплотом эксплуатации, к «массовой перестройке его в крупное социалистическое хозяйство» (Ленин, 1970: 24). Ту же идею мы находим у Льва Троцкого в книге «Преданная революция», в главе «Семейный термидор»: «Место семьи, как замкнутого мелкого предприятия, должна была, по замыслу, занять законченная система общественного ухода и обслуживания» (Троцкий, 1991: 121). Иначе говоря, женский труд, неоплачиваемый и неблагодарный, следует вывести из частной сферы. «Семью нельзя „отменить“: ее надо заменить» — говорит Троцкий (Там же: 122). Большевики не ставили вопрос о семье столь же радикально, но думали похожим образом и действовали в том же направлении. По крайней мере, и Ленин, и Троцкий говорят о перестройке домохозяйства в крупное социалистическое хозяйство, об экстернализации «средневековых» семейных обязанностей женщин.

Например, женские функции по воспитанию детей можно делегировать государственным яслям, детсадам, школам или интернатам. Изнурительной стиркой и глажкой семейного гардероба могли бы заняться дома быта. Наконец, домашнее питание необходимо заменить питанием общественным. В принципе, все перечисленные женские семейные функции можно было бы собрать в одном или нескольких социалистических учреждениях, например, в «рабочих клубах».

Когда Надежда Крупская в 1918 году вчерне набрасывает прототип домов культуры, она явным образом проектирует место, которое могло бы составить конкуренцию «семейному очагу»: «Обычно свободное время человек проводит в семье. Но... много таких, которых тяготит замкнутая атмосфера современной семьи, с ее вечными разговорами о детях, хозяйстве, которым хочется провести свой досуг с теми, с кем можно поговорить о том, что интересует». Крупская называет клуб «общественным домашним очагом»: «Рабочему человеку больше чем кому бы то ни было нужен свой общественный домашний очаг». У рабочего, пишет она, самые развитые общественные инстинкты. К тому же дома тесно, «убогое помещение, шум, плач детей», а все это никак не помогает рабочему отдохнуть. Крупская говорит именно о рабочем, подразумевая мужчину, ведь в те времена в ходу было также слово «работница». В общественном убежище рабочего должны быть предусмотрены умывальные комнаты, чтобы не ехать к себе на квартиру, а идти в клуб сразу с работы. Естественно, мыло, полотенце, шкафчики для завсегдатаев со сменным бельем и одеждой. Чай и обед без очередей. Комнаты для разговоров, кружковой работы, лекций и... уединения («просто посидеть, помолчать, отойти от дневной суеты»). Укромные уголки в столовой, где можно посидеть в одиночку. Уют, чистота, гравюры на стенах, книги, газеты... «Всего не перечислить, что можно устроить в рабочем клубе. <...> Он будет одним из камней, которые пойдут на постройку социалистической культуры» (Крупская, 1960: 7–12).

Проект рабочего клуба Крупской опирается, как она сама и подчеркивает, на зарубежный опыт клубных организаций для рабочих. Немецкие и английские рабочие клубы представляли собой учреждения новой социальности: они реформировали и утончали нравы, культивировали трезвость, сексуальную воздержанность и контроль над рождаемостью. Но за ними не стояла столь радикальная революционная проекция, предполагавшая экстернализацию женских функций в семье и организацию «общественного домашнего очага». Хотя в таком изводе советские клубы так и не нашли своего полного воплощения, культурный проект большевиков имел эффекты, выходящие далеко за пределы сферы культуры. Планы по частичному преобразованию домохозяйств в государственные предприятия были реализованы в виде советских предприятий службы быта. Через трансформацию бытовой среды население усваивало новую семейную норму, согласно которой кормильцем является не только мужчина, но и женщина-работница. Стремление освободить женщину от домашнего труда решало также прагматическую задачу — удовлетворяло потребности растущего советского хозяйства за счет открытия нового источника рабочей силы⁷.

«Культурный фундаментализм»

Мы сочли возможным охарактеризовать культурный проект большевиков как проявление *культурного фундаментализма*. Безусловно, он представляет собой одну из версий модернизации, а понятие фундаментализма чаще всего трактуется излишне узко и употребляется по отношению к консервативным течениям мысли, опирающимся на события, откровения или прозрения, на незыблемые основания. С нашей точки зрения, термин следует трактовать шире — как приложимый не только к консервативным учениям, но и к модернизаторским, реформаторским и революционным, в которых догматическое визионерство сочетается с радикализмом и нетерпимостью к альтернативам. Создание корпуса канонических текстов, назначение непререкаемых классиков и идейных авторитетов, стремление во что бы то ни стало сохранить аутентичность учения, создавать завершенные концептуальные каркасы, идеологии, модели интерпретаций и действий — все эти черты можно обнаружить в модернизаторских течениях, начиная с позитивизма и заканчивая неолиберализмом. К тому же одна из особенностей модерна состоит в том, что не только консервативные, но даже модернизаторские проекты подвержены скорой архаизации, догматизации и сегментации, отчего в исторической ретроспективе они оцениваются иногда как консервативные.

Гипертрофированная значимость культуры в большевистском проекте сочеталась с радикализмом, обратной стороной которого был догматизм и нетерпимость

---

7. XVI съезд партии настаивал в своей резолюции: «Съезд обязывает все партийные, профессиональные, советские и другие организации усилить свою работу по мобилизации широких масс трудящихся женщин, особенно в деревне, на развертывание социалистического строительства» (XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 1930: 715).

к оппозиции. Ленинский курс предполагал, что культура поступательно и непрерывно будет перехватывать некоторые ключевые функции общего государственного регулирования и руководства. Партия обещала организовать жизнь каждого советского гражданина «от колыбели до могилы». Ей нужна была почти вечность, жизнь нескольких поколений для того, чтобы искоренить и вытеснить культурой бюрократию, правовые и политические институты. Вместо государственного и правового порядка должны воцариться «развитая культура» и социальная гомогенность. Партия была готова идти только на тактические отступления. От упразднения права и государства следовало воздерживаться лишь до той поры, пока общество не станет культурно и социально однородным. А потому на данном этапе следует «систематически работать над уничтожением неравенства более организованного пролетариата с крестьянством» (Восьмой съезд РКП (б), 1959: 64).

Этот ленинский курс обозначен в Программе партии, принятой на VIII съезде. Позже, уже в 1927 году, он был прописан в резолюции XV съезда: «...упрощение функций управления при повышении культурного уровня трудящихся ведет к уничтожению государственной власти» (XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 1928: 560–561). Центральная роль, которая отводилась культуре, была подтверждена в докладе о первой советской пятилетке члена Политбюро Алексея Рыкова: «Начиная уже с ближайшего года на культуру мы должны давать относительно больше, чем даже на восстановление хозяйства... Без быстрого культурного роста мы не сможем по-настоящему переконструировать наше хозяйство» (XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 1928: 778–779).

В одной из последних и, пожалуй, самых «прочитанных» статей Ленина, «О кооперации» (1970 [1923]), содержится странность, мимо которой проходят исследователи. Множество работ приводят отрывок из статьи, где Ленин впервые говорит о наступлении периода «культурной революции». Тезис этот принимается, обсуждается, но никто не задается вопросом, почему культура обретает здесь столь гипертрофированную значимость. Ленин неожиданно резко противопоставляет политику («политическую борьбу») и культурную работу, утверждая, что вместе с социализмом наступило время культурничества, а не политики:

Захватив власть в свои руки, большевики были вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм. Эта коренная перемена состоит в том, что раньше мы центр тяжести клали и должны были класть на политическую борьбу, революцию, завоевание власти и т. д. Теперь же центр тяжести меняется до того, что переносится на мирную организационную культурную работу. Я готов сказать, что центр тяжести для нас переносится на культурничество, если бы не международные отношения, не обязанность бороться за нашу позицию в международном масштабе. Но если оставить это в стороне и ограничиться внутренними экономическими отношениями, то у нас действительно теперь центр тяжести работы сводится к культурничеству. (Ленин, 1970 [1923]: 376)

Но эта странность, эта гипертрофированная значимость культуры, на наш взгляд, связана с центральной, глобальной ролью, которую начинает играть в этот период культура в доктрине социалистического строительства большевиков. Наша интерпретация помогает понять: а) почему революция продолжается после захвата власти, трансформируясь из политической в культурную; б) почему новый этап социалистического строительства есть «культурная революция» и «целый переворот, целая полоса культурного развития всей народной массы» (Ленин, 1970 [1923]: 372).

Пролетариат и его партийный авангард трансформируют политическую пропаганду в культурную (и «духовную») работу в мелкобуржуазной среде, главным образом крестьянской. Примерно об этом идет речь в резолюции XI съезда партии: «Работа партии в деревне должна быть направлена преимущественно в сторону хозяйственно-организационную и культурно-просветительскую, взамен предлагаемого ранее административно-принудительного и политически-агитационного» (Протоколы одиннадцатого съезда РКП(б), 1936: 573).

На последующих съездах, однако, есть признаки того, что доктрина «культурной революции» пересматривается. Здесь нам трудно пройти мимо вопроса о ревизии: можно ли говорить, что сталинское руководство подвергло ее пересмотру, вернув политику и классовую борьбу в процесс строительства социализма? Вопрос этот важен, поскольку именно ревизия учения «основоположника», как правило, рассматривается в качестве основания для выделения периодов, для обозначения всякого рода поворотов и этапов в политике страны. В июле 1928 года Сталин сформулировал известный тезис об обострении классовой борьбы по мере приближения к социализму. На последовавшим за этим заявлением XVI съезде А. Бубнов мог, например, сказать, что «Культурная работа является областью обостренной классовой борьбы» (XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 1930: 183). Первый секретарь Северо-Кавказского крайкома партии А. А. Андреев на том же XVI съезде горячо призывал:

На фронте культурной революции мы должны пойти также решительно, как идем на фронте нашего хозяйства. <...> Нам нужна не вообще культура для культуры, нам нужна такая культура, которая обеспечивала бы быстрый подъем социалистического строительства. <...> Вот почему, товарищи, мне кажется, что по мере ликвидации кулачества как класса, по мере коллективизации деревни центр тяжести в деревне будет перемещаться от вопросов политики на вопросы культуры, на вопросы техники, на вопросы организации. (XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 1930: 124)

Как следует из приведенных цитат, возврат к ортодоксии классовой борьбы налицо, хотя «культурная революция» по-прежнему понималась по-ленински предельно широко, а «конец политики» также маячил как видимая и осязаемая перспектива, увязанная с прекращением сопротивления со стороны мелкобуржуазных слоев населения. По формальному признаку ревизия состоялась. Но озна-

чает ли эта формально состоявшаяся ревизия смену политического курса или завершение большевистского культурного проекта? Можно ли на этом основании заключить, что начался новый, сталинский, этап в культурной политике?

Мы полагаем, что проблему динамики режима следует отделить от проблемы ревизии. С точки зрения политического процесса можно говорить о том, что большевистский культурный проект непрерывно адаптировался к изменявшимся внешним и внутренним обстоятельствам, сохраняя свой культурно-социальный импульс к тотальному изменению социальной ткани и созданию государственных аппаратов мощного социального контроля. С точки зрения проблемы ревизии важна рефлексия над эффектами политического действия, которая фиксируется в изменении риторики и способов высказывания, подменах, расширениях или изменении трактовки ключевых концептов. Подобные дискурсивные сдвиги в советской истории наиболее очевидны и легко фиксируются при смене руководства (Ленин, Сталин, Хрущев и т. д.), что позволяет их затем популяризировать и активно использовать в политической полемике.

Однако если придерживаться предмета исследования — культурной политики, — то следует обращать внимание на то, насколько стабилен проект, воображаемая проекция правящих групп, которая воплощается в учреждении или развитии государственных аппаратов и общественных институтов. Материализация культурного проекта большевиков неизбежно сталкивалась с сопротивлением социальной среды и внешнего мира. Проект корректировался, приспособлялся к новым политическим обстоятельствам, но сталинское руководство сохраняло догматическую преданность культурному проекту большевиков.

Аппараты

Преданность сталинского руководства изначальному культурному проекту, на наш взгляд, проявилась в том, как он воплощался в государственных и квазигосударственных институтах. Примерно к 1923 году у большевиков сложилось более или менее четкое видение того, какими должны быть институты новой социалистической государственности. В основании конструкции лежало выработанное коллективным образом представление о социальной структуре общества послеоктябрьского периода — та самая «карта некультурностей», которая позволяла осуществлять навигацию, намечать линию стратегического развития в условиях многоукладности, территориальной и социальной сложности. Непростые вопросы, вставшие перед большевиками, можно сформулировать следующим образом: как перевести выработанную проекцию («культурную точку зрения») в конкретные учреждения? Как должна выглядеть сеть партийных и государственных аппаратов, которые были бы способны управлять пестрой культурной данностью и, главное, создавать новую культурную и социальную реальность — социализм?

Стихийным образом некоторые советские аппараты сложились еще при ленинском руководстве. Но концептуально конструкция социалистической государ-

ственности зримо предстала на XII съезде партии, первом съезде, работавшем без смертельно больного Ленина. Принципиально важен отчетный доклад Сталина съезду (Двенадцатый съезд РКП(б), 1968: 55–69), в котором с помощью метафоры автомата или механизма делегатам съезда наглядным образом была представлена модель новой государственности. Простота изложения и точность сталинской метафоры позволили большинству понять и принять главную идею и основные принципы создававшейся советской государственной машины. Видимо поэтому столь популярным стало выражение из сталинского доклада *«приводной ремень партии»*. Такие метафоры имеют значение — в них выражается поэтический момент мышления как говорящего, так и его аудитории.

О том, что вопросы государственного строительства и создания вполне конкретных государственных органов на этом съезде приобрели актуальность, свидетельствует еще одно обстоятельство: речи большинства делегатов изобиловали механистическими метафорами и частым, иногда даже чрезмерным употреблением слова «аппарат» и его производных. Так, только в одном небольшом выступлении Феликса Дзержинского, которое заняло пять страниц стенограммы съезда объемом в 921 страницу, слово «аппарат» встречается 51 раз (Двенадцатый съезд РКП(б), 1968: 760–764). Мы полагаем, что четкий абрис новой государственной машины, представленный в сталинском докладе, следует считать результатом коллективной работы руководства партии.

Сталин начинает с известного тезиса о том, что партия является авангардом рабочего класса. Но это не означает, что отношения партии с рабочим классом должны складываться, как в армии. В военной области армию создает командный состав, он ее формирует. В политике все наоборот: командный состав не создает, а «находит свою армию — рабочий класс». В политике не класс зависит от партии, но партия от класса. Поэтому, завершает свой силлогизм Сталин, чтобы руководить, партия должна «облегаться» широкой сетью беспартийных аппаратов. Эти аппараты он называет «щупальцами в руках партии, при помощи которых она передает свою волю рабочему классу, а рабочий класс из распыленной массы превращается в армию партии».

Первым «приводным ремнем», «основным передаточным аппаратом», являются профсоюзы. Связь партии с ними обеспечивается значительным присутствием коммунистов в руководстве союзами, в особенности на губернском уровне, и среди рядовых членов. Первичные ячейки союзов — фабзавкомы — «не везде еще наши», обозначает проблему докладчик.

Вторым «приводным ремнем» «массового характера», «при помощи которого партия связывается с классом», являются кооперативы. Потребительская (распределение продуктов), связанная с рабочими, и сельскохозяйственная кооперация, охватывающая сельскую бедноту. К XII съезду в потребительских кооперативах, говорит Сталин, состояло около 3,3 млн рабочих. При этом представительство коммунистов в губернских органах возросло до 50%. Сельхозкооперация объединяет около 4 млн хозяйств.

Третий «приводной ремень» — союзы молодежи. Основная деятельность союзов молодежи — это школы фабзавуча (фабрично-заводского обучения).

Четвертый — женские организации, «делегатские собрания работниц» — механизм, соединяющий партию с женской частью рабочего класса. Суть работы среди женщин состоит в том, чтобы «направить щупальца партии для подрыва влияния попов, среди молодежи, которую воспитывают женщины». В этом точном политическом расчете, сделанном Сталиным, мы можем увидеть, как следовало работать с «картой некультурностей».

Пятый «приводной ремень» — это совпартшколы и коммунистические университеты: они развивают коммунистическое просвещение и «фабрикуют» командный состав просвещения, который «сеет среди рабочего населения семена социализма и тем самым связывает партию духовными связями с рабочим классом».

Шестой «приводной ремень» — печать. Она не является массовым аппаратом или массовой организацией, но по своей силе равняется любому передаточному аппарату массового характера. Печать — единственное оружие, с помощью которого партия ежедневно, ежечасно говорит с рабочим классом на нужном ей языке. Другого такого гибкого аппарата по налаживанию духовных связей партии с рабочим классом не существует.

Седьмой «приводной ремень» — армия — это не только аппарат обороны и наступления, но «сборный пункт рабочих и крестьян». Войны часто приводят к революциям именно потому, что собирают в армии «оторванных друг от друга, живущих в разных губерниях» рабочих и крестьян, а там они сообща «выковыывают свою политическую мысль», создают «то или иное массовое революционное движение»: «Ведь обычно воронежский мужик не встречается с питерском, пскович не видит сибиряка, а в армии же они встречаются». Поэтому армия есть «величайший аппарат», «единственный всероссийский, «всефедеративный сборный пункт, где люди разных губерний и областей, сходясь, учатся и приучаются к политической жизни». Такова сложная сеть массовых аппаратов, с помощью которых партия превращает себя в авангард, а рабочий класс «из распыленной массы превращается в действительную политическую армию».

Перечисленные аппараты, как заключает докладчик, не являются государственными — это массовые организации (за исключением печати). Именно так характеризует список сам Сталин, хотя в него вошла также армия. Во второй части доклада он переходит к аппаратам государства и партии.

Государственный аппарат является самым главным «приводным ремнем», поскольку соединяет рабочий класс, господствующий над обществом через свою партию, с крестьянством. Сталин ссылается на проблему, связанную с функционированием этого аппарата, которая была обозначена на прошлом съезде Лениным: сам по себе государственный аппарат правильно отстроен, «он советский», но иногда фальшивит, поскольку некоторые его составные части по-прежнему остаются «казенными, царско-буржуазными», то есть обеспечивают «кормление». Нам же нужен аппарат, который стал бы средством обслуживания народных масс.

Позже, говорит Сталин, Ленин предложил решение: создать рычаг для перестройки всех составных частей машины — ревизионный или контролирующий аппарат: «добавочный маленький аппаратик, то есть для управления аппаратом управления».

Но ключевым аппаратом, сердцем всей этой жуткой машины стало маленькое бюро, которое называлось Учраспред — учетно-распределительное бюро ЦК. Учраспред занимался учетом и распределением партийных и хозяйственных кадров, «как на низах, так и вверху». Правильной политической линии для госаппарата недостаточно, недостаточно давать верные директивы, необходимо, чтобы в Учраспреде сидели «правильные» люди, не «сановники». Отсюда столь высокая политическая значимость данного аппарата. До учреждения Учраспреда вопросы учета и расстановки кадров решались разовыми кампаниями — объявлялись так называемые партмобилизации. С появлением нового аппарата такая работа становилась регулярной. Учраспред стал «тиглем» советских элит, выплавляющим партийно-хозяйственную номенклатуру.

Из представленной Сталиным схемы видно, насколько созданная сеть аппаратов была социально детерминированной, отражала «карту некультурностей», которая вырабатывалась на первых послеоктябрьских съездах. Женщины, молодежь, военнослужащие, рабочие и крестьяне — каждая из этих категорий населения получила свои аппараты партийно-государственного управления и контроля. Схема позже будет дополнена аппаратами, управляющими интеллигенцией. На XVIII съезде в 1939 году Сталин скажет: «В результате... громадной культурной работы народилась и сложилась у нас многочисленная новая, советская интеллигенция, вышедшая из рядов рабочего класса, крестьянства, советских служащих... Я думаю, что рождение этой новой, народной, социалистической интеллигенции является одним из самых важных результатов культурной революции в нашей стране» (XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 1939: 25). Однако один из первых «приводных ремней», связавший партию с советской интеллигенцией, появился еще до этого торжественного заявления: в 1934 году был учрежден первый творческий союз — Союз писателей СССР. Партийное влияние на «нацменов» обеспечивалось посредством аппаратов территориального управления — союзных и автономных республик, которые на подведомственных территориях копировали структуру центральных аппаратов СССР.

Созданная система оказалась *необратимо однопартийной*, что провоцировало извечный вопрос о том, была ли партия, строго говоря, партией. Сталин четко обозначил функционал и принципы работы партийно-государственной машины: 1) каждый социальный сегмент получает специфический аппарат; 2) связь каждого аппарата с целым обеспечивается за счет расстановки членов партии на руководящих постах каждого звена каждого аппарата; 3) кадры партии «фабрикуются» партийными школами и университетами; 4) коммуникация и «духовная связь» с рабочим классом и крестьянством обеспечивается органами пропаганды и пе-

чати; 5) Учраспред — единственная не поддающаяся механизации часть машины, которая ведает расстановкой и генерацией кадров.

В этой целостной и хорошо продуманной схеме есть одна фундаментальная странность, которая может показаться ошибкой или упущением. В ней отсутствуют аппараты управления народным хозяйством — народные комиссариаты, будущие министерства. В столь красноречивом отсутствии важнейших органов управления экономикой и финансами мы видим не столько ошибку или изъян, сколько работу «слепого пятна», встроенного в оптику культурного проекта. Во всяком случае, пропуск свидетельствует о том, что руководство и управление обществом мыслились через призму по-ленински понятой культуры, а не экономики.

Внутри созданной системы управления особую пронзительность обрела проблема известной неразличимости партийных и государственных аппаратов. Впрочем, во весь свой рост эта проблема встала до того, как Сталин сделал свой доклад, а именно в ходе бурной дискуссии по поводу принципа разграничения полномочий между партийными и государственными органами на X съезде партии. Опять же важно, что вопрос возник во время дебатов о культурной политике, а именно, когда зашла речь об организации Главполитпросвета, главного государственного учреждения, осуществлявшего управление культурой. Не вдаваясь в детали полемики, которая сама по себе заслуживает внимания, скажем, что решение, одобренное большинством делегатов, было предложено Евгением Преображенским. Существующую ситуацию он охарактеризовал как «организационный разброд»: культурной работой занимались и в армии, и в партийных организациях, и в профсоюзах, а также уполномоченные и специализированные госучреждения, а потому единую политику было крайне сложно выработать. Каждый аппарат отстаивал права на собственную автономию, аргументируя спецификой собственной «паствы». Тем не менее участники дискуссии сходились в одном: монополия на культурную политику должна принадлежать партии.

Решение партийно-государственного параллелизма, предложенное Преображенским, состояло в том, что партия может делегировать государственным органам только ту часть культурно-просветительской работы, которая поддается «механизации», «тиражированию» и организации по принципу «массового производства». Даже если окажется возможным «механизировать работу по выработке коммунистов», партия может ее также делегировать учреждениям Главполитпросвета. Остальная работа, не подвластная «механизации», — оргработа по распределению партийных кадров, а также идейное и теоретическое руководство — являлись «абсолютной областью» партии (Протоколы X съезда РКП (б), 1933: 145). Эта область не могла быть «национализирована».

Преображенский не только выделил принцип разделения полномочий партии и советских органов, он взглянул на этот процесс в динамике. Ему казалось, что процесс поэтапной передачи партией новых функций Главполитпросвету будет возможен по мере роста культурного уровня и однородности культуры. Иначе говоря, серийное и массовое производство имеет тенденцию становиться уни-

версальным, поэтому делегирование новых функций партии государству будет процессом непрерывного «коммунизирования государственного аппарата», «показателем того, насколько далеко мы шагнули, как пролетарское государство, насколько мы далеко шагнули в части превращения коммунистической партии в функции государственного аппарата» (Протоколы X съезда РКП (б), 1933: 149). Преображенский, таким образом, обозначил финал процесса культурного роста — полная конвергенция партии и государства, триумф культуры, достигшей абсолютной механизации и неразличимости некультурностей.

Хотя проблема партийного и советского параллелизма возникала в последующие годы, к глубокой дискуссии больше не возвращались. О «теоретическом» решении Преображенского некоторое время спустя также забыли. Оно сыграло свою роль на самом важном — раннем этапе настройки партийно-государственной машины. По большому счету, по-новому, по-советски было найдено решение извечной проблемы правительственной рациональности: как институциональным образом развести стратегическое руководство (планирование) и оперативное управление.

Выводы

Анализ наших источников свидетельствует о наличии вполне определенной траектории культурного проекта большевиков: он начинался с радикального неприятия всякой государственности, но внутренняя логика развития привела к парадоксальному результату — к созданию государства тотального социального контроля. Проект опирался на «культурную точку зрения», внутри которой проектировался каркас новой социалистической государственности. Благодаря «карте некультурностей» выделялись основные объекты управления, по преимуществу социальные объекты, градация которых осуществлялась согласно «уровням развития культуры». Культурная проекция, а не экономическая или политическая, как мы показали, сыграла ключевую роль в оформлении дизайна советских государственных и квазигосударственных аппаратов. Самобытность советского государственного строительства проявилась в том, что государство создавалось на основе культурного проекта. «Культурный фундаментализм» подразумевал отказ от правовых и парламентских форм управления обществом, а также замещение политики культурой.

Уже в начале 1930-х годов, хотя на съездах по-прежнему часто употреблялись термины «культура» и «культурная революция», их прежняя доктринальная значимость стирается, а культурная проекция постепенно теряет свой фокус. Несмотря на это, вплоть до принятия третьей программы партии в 1961 году сохранялось программное положение о том, что условием отмирания государства является «вовлечение всего трудящегося населения поголовно в работу по управлению государством» при одновременном «повышении культурного уровня».

Маргинализация культурной проблематики выразилась в том, что «культура» все чаще стала упоминаться наряду с терминами, так или иначе отсылающими к экономике: «хозяйство», «материальное благосостояние» и т. п. При этом культура ставилась всегда на «почетное» второе место. «Теперь основная задача нашей партии внутри страны состоит в мирной хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной работе» — говорил Сталин на XVIII съезде партии (XVIII съезд ВКП (б), 1939: 35). На том же съезде проявилась тенденция к прекращению содержательных дискуссий о культуре, партийном и государственном строительстве. Выступления в прениях и доклады утратили остроту и превратились в отчеты о показателях роста культуры разных слоев советского населения и регионов, надоев молока или производительности труда. С нашей точки зрения, связано это не только с тем, что режим вошел в самую мрачную фазу сталинской ортодоксии, но также с тем, что к этому времени функционирование партийно-государственной машины было окончательно налажено и стабилизировано. Наступила постреволюционная фаза кумулятивного развития и институциональной нормализации.

Вместе с тем факт учреждения Министерства культуры СССР в 1953 году свидетельствует о том, что культура все еще сохраняла свою стратегическую значимость. Сверхминистерство культуры попросту оказалось мыслимым и возможным. Его масштабы и сфера ответственности распространялись за пределы управления искусствами и досугом, вплоть до разработки норм питания для учащихся, управления детсадами, школами, вузами и наукой. Все это можно считать эхом и отражением той гипертрофированной значимости, которую большевики придавали культуре.

Таким образом, деградация приоритета культуры в оптике партийного руководства проходила постепенно, едва заметно, без явно выраженных дискуссий и радикальных поворотов. С нашей точки зрения, коренной пересмотр роли и места культуры, а вместе с ним и формирование схемы нового стратегического видения, можно отслеживать, начиная с опубликованной в 1952 году работы Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Брошюра, написанная в связи с подготовкой нового учебника по политэкономии, ввела необычное для партийной номенклатуры выражение «культурные потребности» и способствовала изменению взгляда на культуру. Позже оно станет одним из распространенных клише партийной номенклатуры и доживет до наших дней.

Нам бы хотелось проверить данную гипотезу в следующей статье, которую намереваемся написать в продолжение нынешней.

Список использованных источников

- XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Государственное издательство, 1926.
- XV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Государственное издательство, 1928.

- XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М.; Л.: Государственное издательство, 1930.
- XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М.: ОГИЗ, Госполитиздат, 1939.
- XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. 14–25 февраля 1956 года. Стенографический отчет. М.: Госполитиздат, 1956.
- Восьмой съезд РКП (б). Март 1919 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959.
- Двенадцатый съезд РКП (б). 17–25 апреля 1923 года. Стенографический отчет. М.: Политиздат, 1968.
- Девятый съезд РКП (б). Март — апрель 1920 г. М.: Партиздат, 1934.
- Протоколы X съезда РКП (б). М.: Партиздат, 1933.
- Протоколы одиннадцатого съезда РКП (б). М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1936.
- Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года. Протоколы. М.: Госполитиздат, 1958.

Литература

- Герizon М. М.* (2018). Закат Сталина и Оттепель: управление культурой в СССР в 1950-х — начале 1960-х гг. М.: Модест Колеров.
- Крупская Н. К.* (1960 [1918]). Чем должен быть рабочий клуб // *Крупская Н. К.* Педагогические сочинения. Т. 8. М.: Изд-во Академии педагогических наук. С. 7–12.
- Ленин В. И.* (1968 [1909]). Об отношении рабочей партии к религии // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 17. М.: Политиздат. С. 415–426.
- Ленин В. И.* (1970 [1919]). Великий почин // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 39. М.: Политиздат. С. 1–29.
- Ленин В. И.* (1970 [1923]). О кооперации // *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат. С. 369–377.
- Троцкий Л. Д.* (1991). Преданная революция. М.: НИИ культуры.
- Хестанов Р. З.* (2013). Генезис культурной политики и возникновение массовой культуры в СССР // *Социология власти.* № 8. С. 74–96.
- Bennett T.* (1998). *Culture: A Reformer's Science.* London: SAGE.
- Hake S.* (2017). *The Proletarian Dream: Socialism, Culture, and Emotion in Germany, 1863–1933.* Berlin: De Gruyter.

The Beginning and the End of the Soviet Cultural Fundamentalism Project

Rouslan Khestanov

Doctor of Philosophy (PhD), Professor, School of Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics

Address: 20 Myasnitskaya Street, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: khestanov@hse.ru

Alexander Suvalko

Lecturer, School of Cultural Studies, Faculty of Humanities, National Research University Higher School of Economics

Address: 20 Myasnitskaya Street, Moscow, Russian Federation 101000

E-mail: asuvalko@hse.ru

The article focuses on one of the most mysterious and intriguing stories of the Soviet civilization that is connected with the original ideas of the Bolsheviks and then to the Soviet nomenclature of culture. Chronologically, our research covers the first years of the formation of Soviet state institutions, the so-called Leninist and then Stalinist periods of leadership, and ends with a period that is often called "The Thaw." In order to grasp the conceptual and doctrinal motifs for building Soviet cultural and state institutions, we used verbatim records of the Party Congresses as our main source of information. Our main task was to clarify why culture was central and strategic for early Soviet leaders. We will show how culture gave political doctrine its conceptual integrity by linking perceptions of state, leadership and governance, and communism and labour. The analysis of our sources testifies to the existence of a quite definite trajectory of cultural policy: (1) the birth of the Bolshevik cultural project, (2) its materialization in the institutions of the Soviet statehood, (3) the normalization of the created state structures and, finally, (4) the marginalization of the cultural issue. We introduced the concept of "cultural fundamentalism" to emphasize the peculiarity of the Bolshevik cultural project in which radical anti-etatism was expressed, which implied compensation by the culture of the abolished statehood. The internal logic of the development of the cultural project led, however, to a paradoxical result — the creation of a total social state. The principal thesis of the article is that the concept of culture played a central and strategic role in the construction of a new socialist state.

Keywords: cultural revolution, cultural fundamentalism, Bolsheviks, control apparatuses, map of "backwardness", Soviet statehood

References

- Bennett T. (1998) *Culture: A Reformer's Science*, London: Sage.
- Gershzon M. (2018) *Zakat Stalina i Ottepel': upravlenie kul'turoj v SSSR v 1950-h — nachale 1960-h gg.* [Stalin's Decline and the Thaw: Managing Culture in the USSR in the 1950s and Early 1960s], Moscow: Modest Kolerov.
- Hake S. (2017) *The Proletarian Dream: Socialism, Culture, and Emotion in Germany, 1863–1933*, Berlin: De Gruyter.
- Khestanov R. (2013) Genezis kul'turnoj politiki i vznikovenie massovoj kul'tury v SSSR [The Genesis of Cultural Policy and the Emergence of Mass Culture in the USSR (1917–1953)]. *Sociology of Power*, no 8, pp. 74–96.
- Krupskaya N. (1960 [1918]) Chem dolzhen byt' rabochij klub [What a Working Club is Supposed to Be]. *Pedagogicheskie sochinenija. T. 8* [Pedagogical Essays, Vol. 8], Moscow: Izdatel'stvo Akademii pedagogicheskikh nauk, pp. 7–12.

- Lenin V. (1968 [1909]) Ob otnoshenii rabochej partii k religii [The Attitude of the Workers' Party to Religion]. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 17* [Complete Works, Vol. 17], Moscow: Politizdat, pp. 415–426.
- Lenin V. (1970 [1919]) Velikij pochin [A Great Beginning]. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 39* [Complete Works, Vol. 39], Moscow: Politizdat, pp. 1–29.
- Lenin V. (1970 [1923]) O kooperacii [On Cooperation]. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 45* [Complete Works, Vol. 45], Moscow: Politizdat, pp. 369–377.
- Trotsky L. (1991) *Predannaja revoljucija* [The Revolution Betrayed], Moscow: NII kul'tury.